

ПОСЛЕДНИЙ БАСТИОН

Перспективы взаимодействия журналистов местных СМИ и представителей органов власти обсуждали на ежегодной конференции медиаисследователей журфака МГУ. За дискуссией наблюдала **ЕСЕНИЯ ПОГОРЕЛОВА**

МЕСТНЫЕ СМИ — КРЕПКИЙ ФУНДАМЕНТ

Наталья Чернышова, секретарь СЖР, один из организаторов круглого стола, напомнила, что местная журналистика — это фундамент всей медийной системы. Именно через районные медиа люди формируют первичное восприятие окружающего мира и доверие к информации вообще. Если на этом уровне произойдет сбой, последствия ощутят и федеральные СМИ.

Ключевые вызовы, с которыми сегодня сталкиваются местные редакции, обозначил **Владимир Касютин**, главный редактор журнала «Журналистика и медиарынок», в их числе: проблемы распространения, нехватка финансов, негативная селекция кадров, массовый уход аудитории в социальные сети.

Несмотря на возможности интернета, обратная связь у многих российских медиа слабая, значительное число комментариев в социальных сетях и на сайтах либо анонимны либо не представляют ценности как высказывание.

Работа в социальных сетях способствует перетеканию форматов постов в контент традиционных медиа, прежде всего газет, приводит к падению грамотности, снижению качества текстов и иллюстраций, уходу в мелкотемье. Многие журналисты имеют недостаточную квалификацию: не умеют формулировать заголовки и лиды, готовить фото и видео, не способны отделять главное от второстепенного, не владеют азами верстки, имеют слабое представление о жанрах.

Молодым редакторам и журналистам, особенно муниципального уровня, интереснее работать в соцсетях (требуется меньше традиционных профессиональных навыков: тексты, иллюстрации, верстка). Чтобы не потерять

квалификацию, профессиональным журналистам необходимо учиться работать на двух языках: для контента традиционных СМИ и упрощенном — для пабликов.

Елена Юрова, главный редактор газеты «Задонская правда», отмечает, что полный переход в социальные сети лишает газеты одной из важных функций — функции хранения информации:

«В соцсетях это может быть бомба: тысячи лайков, миллионы просмотров, сотни комментариев, но выйдет еще один пост, а за ним еще один... И ничего не осталось. Чтобы вер-

нуться к какому-то материалу, надо листать километры этой ленты публикаций. А газеты хранятся долго, они живы, потому что бумага все помнит.

Моя бабушка, которой сейчас 94 года, хранит в папочке мою первую публикацию. Люди приходят к нам в редакцию, листают подшивки, находят материалы о своих бабушках, дедушках... Это память. Это важно».

«Один из ключевых факторов жизнеспособности газет — субсидии органов власти различных уровней. Господдержка Минцифры печатных СМИ исчисляется в последние годы суммой в пределах 500 млн рублей. Это не так много, если учесть, что в перечень грантополучателей входят и федеральные, и региональные, и муниципальные издания. В данном случае работают не только деньги, но и знак из центра на места — не спешите хоронить печать», — заметил **Владимир Касютин**.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ, А НЕ ОТЧЕТЫ

В современном быстро меняющемся мире местные и региональные средства массовой информации сталкиваются с возрастающей конкуренцией со стороны государственных пабликов.

«Но госпаблики все равно далеки от людей: они не знают, что волнует бабушек в селах, родителей детишек что беспокоит, — отмечает **Елена Юрова**. — У них это все унифицированно, шаблонно. Поэтому газеты заменить ну никак нельзя». Она поделилась историей, свидетелем которой стала, когда в 2014 году поехала в командировку на Донбасс.

Одной из газет, оказавшихся тогда в непростой ситуации, оказалась газета Луганской Народной Республики «XXI век». До начала военных действий она была крупным и уважаемым СМИ, выходившим на 32 полосах. В те дни ситуация кардинально изменилась: инфраструктура Луганска оказалась полностью разрушена.

Люди остались без электричества и интернета.

Главный редактор «XXI века» Юрий Юров придумал выход — газету стали печатать на обычном принтере, подключив его к генератору электричества. Это был сложный процесс: бумага заканчивалась, картриджи иссякали.

Юрий лично развозил отпечатанные листы по магазинам, где продавался хлеб. В условиях полного информационного вакуума газета стала единственным источником новостей. У традиционных СМИ действительно есть преимущество: они человекоориентированные. Им важно, чем живет район, о чем спорят на лавочках во дворах, какие темы задевают за живое местных жителей.

Когда жители видят в материалах знакомые лица и свои проблемы, это порождает доверие. В этом и кроется сила традиционных СМИ: они не про отчеты — они про жизнь. Важен не только факт, но и его эмоциональная упаковка, связь с человеческими переживаниями.

► Как справедливо подметила **Наталья Чернышова**, «человеку, несмотря на всевозможные цифровые технологии, про человека всегда интересно прочитать». И это не просто красивая фраза, а жизненный ориентир для всех тех, кто продолжает верить в силу хорошей журналистики.

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ ГРАЖДАН

Средства массовой информации часто называют четвертой властью. Это неудивительно, ведь они играют ключевую роль в формировании общественного мнения.

ОДНАКО С РАЗВИТИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И УВЕЛИЧЕНИЕМ ПОТОКА ИНФОРМАЦИИ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ ВСТАЕТ ВСЕ БОЛЕЕ СЕРЬЕЗНАЯ ПРОБЛЕМА — МЕДИЙНАЯ БЕЗГРАМОТНОСТЬ.

Критическое восприятие контента становится редким навыком. Многие потребители информации умеют складывать буквы в слова и читать предложения, но не все способны перепроверять факты, анализировать источники и отличать фейки от правды. Когда каждый может стать создателем контента, а недостоверная информация распространяется быстрее, чем свет, критическое мышление становится не роскошью, а необходимостью.

Об этом на конференции высказывались и секретарь Союза журналистов России **Наталья**

Чернышова, и доктор филологических наук декан факультета журналистики Воронежского государственного университета **Владимир Тулупов**.

«В начале XX века была реализована государственная программа ликвидации неграмотности. Сегодня настало время для новой общенациональной программы, направленной на развитие медиаграмотности», — подчеркнула Наталья Александровна.

Владимир Васильевич добавил: «Медиаобразование должно начинаться как минимум со школы. Это действительно очень важный предмет, потому что нет в наше время ни одного человека, который был бы абсолютно изолирован от медиaprостранства, оно окружает всех примерно с детского сада.

Сейчас некоторые вузы реализуют программу такую: химики, физики, другие студенты-нежурналисты изучают предмет «Журналистика». Недавно мы учебник для них представили. Это важно, и это необходимо вводить в учебную программу».

ЦУР — ПОМОЩНИК

Одним из актуальных вопросов последних лет стала роль региональных управлений печати и их влияние на деятельность местных редакций. Эта тема особенно остро стоит в свете растущей конкуренции между традиционными СМИ и официальными государственными сообществами в социальных сетях.

Евгений Нечепуренко, руководитель Центра управления регионом Алтайского края, во время своего выступления отметил, что поддержка муниципальных СМИ в регионе всегда была и остается важным элементом информационной политики.

«Знаете, еще в 1990-е годы существовал краевой закон о поддержке муниципальных СМИ. Не просто «закон о СМИ», тут важна именно поддержка. Со временем он, конечно, изменился, но самое важное, на мой взгляд, это сохранение его основной идеи обеспечения жизнеспособности локальных, региональных редакций», — сделал акцент Ев-

гений Анатольевич. Важно давать журналистике звучать.

И звучать громко. Ведь сегодня муниципальные СМИ сталкиваются не только с уходом рекламодателей в цифровое пространство, но и с жестким ограничением доступа к информации. Местным журналистам приходится ждать, пока новости сначала появятся на официальных страницах администрации.

В результате страдает самая суть профессии — оперативное и объективное освещение событий. Тем не менее есть редакции, которые не только держат удар, но и находят способы идти вперед. **Людмила Кейбол**, главный редактор газеты «Змеиногорский вестник», — из таких бойцов. Под ее руководством газета реализует социальные и журналистские проекты, включая общественные расследования и гуманитарные миссии.

Один из самых ярких проектов газеты — «Герои первой полосы» — вызвал настоящий ажиотаж. Редакция вернулась к архивным публикациям и проследила судьбу героев статей 1960-х годов.

Центры управления регионами играют важную роль в поддержке и взаимодействии с региональными журналистами. Регулярные встречи и совместные проекты позволяют журналистам обмениваться информацией и находить новые способы освещения общественно значимых тем. ЦУР предоставляет оперативные данные и помогает выстроить грамотную коммуникацию с местной властью.

Например, благодаря поддержке ЦУР журналисты смогли подготовить серию публикаций о состоянии коммунальных сетей в регионе. И не стоит недооценивать роль ЦУРа как «информационного хаба» для региональных журналистов. Это особенно важно в условиях, когда дезинформация может распространяться быстрее правды.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Журналистика в национальных регионах России сегодня — это балансирование на краю пропасти.

Традиционные медиа изо всех сил цепляются за остатки внимания аудитории, а цифровые

платформы с неистовостью соревнуются за доли секунд экранного времени.

Но в этой борьбе за существование кроется нечто гораздо более ценное — сохранение культурной идентичности народов.

«В Мордовии, — рассказывает **Ксения Дементьева**, заведующая кафедрой журналистики филологического факультета Мордовского государственного университета, — проблема непопулярности национальных языков стоит особенно остро».

Несмотря на попытки внедрить автоматизированные системы перевода, литературные формы мордовских языков пока не обладают достаточной устойчивостью для полноценного использования в СМИ. Это создает замкнутый круг: без активного использования язык деградирует, а без устойчивого языка становится невозможным создавать качественный контент.

Где искать журналистов, говорящих и, самое главное, хоть как-то пишущих на национальных языках? Не всегда есть возможность просто сотрудника найти, а тут, в мордовских СМИ, потенциальный коллега еще должен знать мокшанский или эрзянский язык.

Решение этой непростой задачи нашли в другой национальной республике: Казанский федеральный университет создал программу целевой подготовки журналистов, после которой выпускники обязаны отработать несколько лет в региональных СМИ, в том числе и на «малом» языке.

УНИКАЛЬНОСТЬ ЛОКАЛЬНОГО

В эпоху информационного хаоса и цифрового шума региональная журналистика остается последним бастионом подлинного, осмысленного общения с аудиторией.

Это больше, чем просто сводка новостей о ремонте дорог, выступлениях чиновников или местных фестивалях. Это голос, который отражает ритм и пульс конкретного места, дает возможность жителям понять не только, что происходит вокруг, но и почему это важно. Но давайте посмотрим правде в глаза: региональная журналистика сейчас на распутье.

Кадры уходят — кто в более стабильные и прибыльные профессии, кто просто выгорает. Экономические трудности заставляют издания балансировать на грани выжи-

вания. А стремительный технологический прогресс превращает вчерашние рабочие инструменты в музейные экспонаты.

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ИМЕННО В ЭТОМ КРИЗИСЕ СКРЫТЫ УНИКАЛЬНЫЕ ШАНСЫ. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ ЛОКАЛЬНОЕ МЕДИА, КОТОРОЕ ИСПОЛЬЗУЕТ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕ ТОЛЬКО ДЛЯ ТРАНСЛЯЦИИ НОВОСТЕЙ, НО И ДЛЯ СОЗДАНИЯ НАСТОЯЩИХ ЦИФРОВЫХ СООБЩЕСТВ.

Это может быть больше, чем просто новостной сайт. Это пространство для обсуждений, обмена мнениями и поиска решений.

Самый главный вопрос сегодня: найдут ли региональные СМИ баланс между скоростью и содержательностью, независимостью и сотрудничеством с властью, традицией и цифровой трансформацией?

И здесь возникает важный момент: региональные медиа должны перестать бояться быть амбициозными.

Во-первых, нужно вкладываться в кадры. Но не просто учить журналистов новым цифровым навыкам, а формировать культуру глубокого анализа и творческого подхода.

Во-вторых, искать новые способы монетизации: от партнерств с местными бизнесами до краудфандинга и подписных моделей.

В-третьих, смело поднимать сложные темы. Аудитория устала от пустых реляций, люди хотят честных разговоров. Когда региональная журналистика станет не просто голосом своего региона, а его сердцем и разумом, вот тогда она сможет вновь занять действительно центральное место в жизни общества.

Это амбициозная цель, но именно амбиции сегодня могут стать спасением. В мире, где все стремятся к глобализации, ценность локального становится уникальной. Это возможность для региональных СМИ не просто выжить, а стать по-настоящему значимыми и влиятельными. И это вызов, который стоит принять.

Особенности фронтového фоторепортажа XXI века

ПО СУЩЕСТВУ, ФРОНТОВОЙ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ ЕДЕТ НА ЗАДАНИЕ ЗА ОДНИМ КАДРОМ, КОТОРЫЙ МОЖНО БЕЗ НАТЯЖКИ НАЗВАТЬ АПОФЕОЗОМ ВОЙНЫ. ОСТАЛЬНОЕ – ПОДРОБНОСТИ ВОЙНЫ, КОТОРЫЕ ЛУЧШЕ ВСЕГО НЕ ВСПОМИНАТЬ

ПАВЕЛ БОЛЬШАКОВ, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей, выпускник фотогруппы факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

Но в истории фотожурналистики всегда остаются классические примеры бессмертных кадров: «Падающий солдат» (или «Лоялист-ополченец в момент смерти»), сделанный в Серро-Муриано 5 сентября 1936 года, являющийся фотографией Роберта Капы; фотография «Горе» времен Великой Отечественной войны, сделанная советским фотокорреспондентом Дмитрием Бальтерманцем в январе 1942 года в Крыму и получившая впоследствии мировую известность.

В феврале 2025 года повезло Челябинску — фотографическому центру России с полувековым стажем: на пешеходной улице Кировке мы стали свидетелями сразу двух репортажей с войны XXI века в Донбассе.

Начну обзор с того, кто стал наследником жанра фронтового репортажа, — с **Павла Волкова**, журналиста газеты «Известия». Лучший, по версии российского конкурса «Берега», фотоклуб России «Каменный пояс» выставил в своей галерее на Кировке лучшие работы московского фронтового репортера.

Павел — лауреат всевозможных российских фотоконкурсов и премий, но мои замечания к его работам нисколько не смогут умалить его профессионализма.

Война — это трагедия для участников. Война — это драма для творческого человека. И потому любой художник всегда ищет свой образ апофеоза этой трагедии. И самый профессиональный редко прибегает к цветной гамме в изображении войны.

Для Пикассо — это не всем понятная «Герника». А для меня, русского зрителя, это глаза — как зеркало изнеможденной души. Я всматриваюсь на этой уличной выставке в глаза еще не озверевших и не опьяневших от крови нациков образца 2014 года на Майдане.

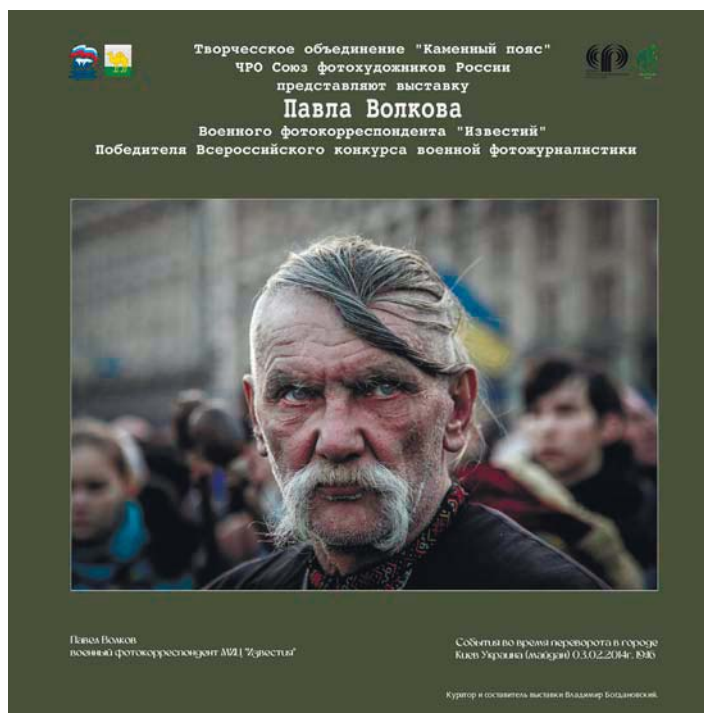
Дмитрий Бальтерманц. Горе.

Павел Волков. Баба Нина. Поселок Светличное.

Павел Волков. Последний Житель села Светличное.

Павел Волков. Куратор и составитель выставки Владимир Богдановский

Павел Волков. Последний Житель села Светличное.

Всматриваюсь в «героев» Майдана на фотоработах Павла Волкова и вижу в них смесь страха и звериной сущности. Что и кого победит, время покажет. Но фронтовой репортер предоставил мне, зрителю, возможность порассуждать на эту тему с высоты десяти лет войны на Украине. Спасибо Павлу за такой ретроспективный показ.

А когда я с улицы вошел в закрытую арку панорамы работ журналиста «Известий», я до мурашек по телу впился взглядом в характерный образ войны, который в своем доме жил восемь лет под обстрелами украинских фашистов.

Это надо было найти такую трагическую фигуру, выстроить кадр и снять вдогонку глаза крупным планом. И эта потрясающе трагическая фигура на фоне развалин родного дома рассказывает мне о трагедии войны больше, чем весь репортаж Павла Волкова.

А если всмотреться в образ поседевшей на войне женщины, у которой на плече — чёрная кошка со звериной пастью, это тоже сильный трагический «оскал» войны на фоне развалин дома. Серая гамма этих работ придает трагедии оттенок чёрной бездны человеческого горя, как на знаменитом фото Дмитрия Бальгерманца.

Я мог бы пожелать Павлу Волкову избегать по возможности цветных фото, если цветовая гамма не играет роли сюжетно важной детали.

Как, к примеру, на фото раздачи гуманитарной еды, когда к хлебу тянутся руки в разноцветных кофтах. Но это не принципиальное замечание к творчеству признанного фронтового репортера современной российской журналистики. Такие репортажи, которые на подсознании рождают желание встать в один строй с защитниками Русского мира, нужно показывать всюду и чаще.

Спасибо Павлу, спасибо фотоклубу «Каменный пояс» (основатель клуба Владимир Богдановский, руководитель Челябинского отделения Союза фотохудожников России), который уже двадцать лет показывает нам на Кировке лучшие образцы фотожурналистики и художественной фотографии.

И я уже двадцать лет с большим удовольствием и любопытством вожу сюда студентов на обзорные экскурсии. И хочу еще двадцать лет показывать своим учащимся эту фотогалерею, если, конечно, кому-нибудь во властных структурах не придет в голову дурная мысль — отобрать у фотоклуба это выставочное пространство.

А для сравнения расскажу, как не надо снимать Донбасс. По странному стечению обстоятельств рядом с выставкой московского репортера открылась экспозиция гламурного фотографа из Челябинска, чьего отец по доброте своей однажды взял в поездку по Донбассу.

Вот уж не думал, что сегодня молодые люди так самоуверенно думают, что все им под силу. Фотоосколки войны на выставочных громоздких уличных тумбах смотрятся как минимум случайно сделанными.

ЕСЛИ ТЫ СНИМАЕШЬ ВОИНОВ, КОТОРЫМ НЕЛЬЗЯ ПОКАЗЫВАТЬ ЛИЦО, СФОТОГРАФИРУЙ МНЕ, ЗРИТЕЛЮ, ГЛАЗА КРУПНЫМ ПЛАНОМ. Я САМ ПРОЧТУ В НИХ И ГОРЕ ПОТЕРЬ, И ГОРДОСТЬ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА, И УСТАЛОСТЬ ВОИНА.

Но нет ответа на больших цветных — рекламных? — фотоизображениях солдат, у которых я не могу прочитать выражения «зеркала души».

И уж совсем нелепо выглядит коричневый «красивый» сгоревший поезд на фоне весенней зеленой травы. Не хочу делать разбор случайно снятых и случайно подобранных на эту уличную выставку фотографий гламурного мастера цвета и красивых девочек, судя по прошлым фотоработам известного в Челябинске фотографа.

Но нашел я единственную фотоработу, исполненную в серой гамме, которую с натяжкой, но можно назвать символом войны в Донбассе: фронтон с разбитыми фигурами разбомбленного театра драмы. Это и есть символ настоящей драмы. Без трупов и крови, которая все-таки присутствует в нашей фантазии, если смотреть на эту фотоработу.

Остальное — не стоит внимания зрителя: на этой выставке вы не найдете фотографий, которые рас-

скажут о жертвах войны или вдохновят на подвиги, о буднях солдат или о трагедиях потерь, о переживших десятилетие страха или о счастливых людях, освобожденных от геноцида нацизма.

Коли съездил ты в Донбасс, дай нам возможность взглядеться в глаза тех, кто все это пережил. Нет ответа на выставленных тумбах Кировки на это мое пожелание.

Нельзя (и преступно опасно!) посылать на фронт гламурных фотографов: нам тридцать лет на экранах телевизоров показывали потрясающе красивых санитарочек, радисточек, летчиц. Даже придумывали любовь к фашистским снайперам прямо на линии фронта и прочую сопливо блестящую чушь на тему войны.

Вот такой кинематограф за тридцать последних лет и воспитал фотографов, которые изо всех сил хотят понравиться своим зрителям-красоткам.

Чёрно-белой фотографией им трудно удивить гламурные модели. А самое главное в этой истории — дилетанты невольно компрометируют профессию фотожурналиста и жанр репортажа: они наивно полагают, что репортер снимает как чукча, который поет о том, что видит вокруг.

И кажется дилетанту, что из сотен кадров, сделанных подряд, всегда можно отобрать случайно удавшийся «шедевр». Увы, без концепции своего задания и без понимания миссии своей профессии — фронтового репортера — невозможно сделать то, что «берет за душу» или переворачивает традиционные и стереотипные представления о войне...

Но, пока есть такие профессионалы, как Павел Волков, которые, рискуя жизнью, стараются соблюдать традиции лучших фронтовых фоторепортеров, можно быть спокойным за будущее отечественной журналистики.

P.S. Фотографию нам в группе в 1976—1977 годах преподавала дочь фронтового корреспондента Дмитрия Бальтерманца Ирина, рано ушедшая от нас кандидат искусствоведения.

